ГУМАНІТАРНІ ВИМІРИ ФІЛОСОФІЇ НАУКОВОГО ЗНАННЯ

УДК165:61

© Илья Мавринский
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ПРЕДПОСЫЛКИ ФИКСАЦИИ И РЕДУКЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЗАРОЖДЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Исследуется понятие «человек» в контексте формирования западноевропейской рациональности. Рассмотрение предпосылок редукции и фиксации человеческого к различным теоретико-познавательным конструктам обнаруживает необходимость ряда установок для их реализации. Установки фиксации предполагают возможность представления человека через те или иные существенные признаки. Предпосылки же редукции предполагают возможность представить человека как следствие определенных слоев реальности. Неочевидность такого рода установок и трудности, к которым ведут попытки их реализации, обнаруживают необходимость возвращения к человеческому.
Ключевые слова: рациональность, человек, субъект, объект, теория познания.

Критика субъект-объектной оппозиции, к которой все чаще обращаются в XX веке, обнаруживает проблематичность не только данного теоретико-познавательного отношения, но и тех результатов, которые были получены в ходе его использования. Одним из таких результатов является понимание человеческого в истории западноевропейской мысли. Рассмотрение оснований для данного понимания человеческого (наследниками которого мы в той или иной мере являемся) представляется *актуальным* и необходимым как для уточнения эвристического потенциала понятия «человек», так и для формирования других (не сводимых к субъект-объектной оппозиции) теоретико-познавательных отношений.

Целью настоящей статьи является указание на нелегитимность попыток редукции или фиксации человеческого, что обнаруживает необходимость возвращения к человеческому.

Ни для кого не секрет, что рациональность появляется и формируется на фоне десакрализации мифологического пространства. Так происходило возникновение систематического, доказательного знания в Греции, формирование картины мира в Новое время, переход к политическим и социальным технологиям в 20 веке. То, что является предметом веры, признается сокрытым, неясным и даже недоступным для выведения к ясности, – становится предметом разбирательства. *Предмет разбирательства предполагает дистанцию между собой (предметом) и тем, кто разбирательство производит.* Это, разумеется, не означает позиции стороннего наблюдателя, но означает поставленность под вопрос, граничную позицию между предметом разбирательства и условиями его определенности.

Спрашивая о том, почему нечто таково, почему оно относится к порядку сущего или должного и даже, спрашивая о том, "почему существует нечто, а не ничто, ибо ничто более легко и более просто, чем нечто?"[1], мы вовсе не отказываемся от определенности того, о чем спрашивают. Скорее, наоборот: мы оказываемся лицом к лицу с этой определенностью или ставим под вопрос определенность собственной убежденности. Это – линия собственного усилия, и именно поэтому философия начинается как акт личной воли, личного понимания, самостояния.

Другое дело, что из порядка безусловного (а он имеет и отрицательный модус, например, безусловного непонимания) переход в поле общезначимого производится, о чем

[1] Г.В. Лейбниц Начала природы и благодати, основанные на разуме // Г.В. Лейбниц, собр. Соч. В 4-х тт., т. 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 408.

свидетельствует уже наличие рациональности[*]. Следует оговориться, что переход этот имеет модальность возможного, то есть, вовсе не обязательно ту или иную практику трансформировать в практику общезначимую. Однако *только возможность этой практики в случае необходимости стать общезначимой, претендовать на всеобщность позволяет саму практику считать рациональной* или принадлежащей к порядку той или иной рациональности. Разумеется, такой переход не может не трансформировать безусловное, из которого мы попадаем в поле общезначимого, как не может не трансформировать и общезначимого. В данном, однако, случае принципиальным является то, что *предмет разбирательства* и *условия его определенности* изначально оказываются положенными на стороне человека, но исключительно понимаемого как "вещь среди вещей". Последнее положение требует, пожалуй, прояснения, которое возможно в двух направлениях. Во-первых, следует отдельно оговорить понятие человека, то есть, указать на то, почему мы говорим о человеке, а не о сознании, субъективности и т.д. Во-вторых, следует также прояснить, почему речь идет об указанной двойственности предмета разбирательства и условий его определенности, то есть, указать на основания такого рода деления.

Методологические предпосылки "фиксации" человеческого. Развитие философского категориального аппарата, начиная еще с античного деления на умопостигаемое и чувственно данное, через открытие субъективности и ее тематики в Новое время к понятиям синтеза, конституирования и экзистенции привело к дифференциации различных способов проявления человеческого. Само человеческое оказалось "слишком человеческим" даже для теоретических разысканий. При этом понятие человека всякий раз пытались определять через вновь вводимое и доказываемое в собственной правомерности понятие. Такой способ говорения о человеке, как представляется, привел к тому, что о человеке забыли не в меньшей степени, чем о бытии. Никто не оспаривает того, что сознание конституирует, экзистенция – экзистирует, субъективность реализуется и проч. Однако сам человек не сводится ни к одному из названных определений, скорее через них обнаруживается способ доступа человека к тем или иным скрытым от простого взгляда структурам (допредикативному слою, смыслу бытия, объективности).

Редукция человека к различным структурам его человеческого обнаруживает предпосылку сложности устройства "человек", причем сложности, допускающей только и исключительно сведение ее к более простым или базовым структурам. Эта предпосылка усиливается еще и тем, что полагается возможным вывести все человеческое из такого рода базовых структур (например, показать его как эпифеномен Я, способы экзистирования, результат конституирования и проч.).

Важно отметить, что так понимаемая сложность является установкой в самом точном смысле этого слова и предполагает летигимность целого ряда методологических процедур, которые, будучи осознаны, обнаруживают собственную несостоятельность. Так, во-первых, попытка сведения чего-либо к базовым структурам предполагает, что набор такого рода структур определен, или можно доказать полноту набора, его достаточность. Более того, такая попытка предполагает, что структуры имеют место и являются устойчивыми. На деле мы имеем обратное движение: человек представляется чем-то сложным, мы выделяем из его активности те или иные "существенные признаки" (разумность, нравственность, возможность заниматься политикой и т.д.), начинаем понимать человека как существо этими признаками обладающее и определенное, а всю остальную активность – как проявление этих признаков.

Таким образом, во-вторых, здесь предполагается еще и то, что выделяемые признаки обладают автономным существованием. В противном случае получается, что мы сначала выделяем нечто, например, разум из его взаимосвязей с другими признаками человеческого, потом объявляем разум определяющей способностью и пытаемся свести к нему все остальные проявления. Иными словами: *определяющие сам разум механизмы* (или, по крайней мере, взаимодействующие с ним) *мы пытаемся свести и определить через разум*. Очевидно, что такого рода движение рано или поздно приведет к целому ряду нестыковок, ошибок, утрате определенности и в отношении разума, и в отношении всего остального устройства человеческого. Последнее неоднократно имело место в истории западноевропейской

[*] Термины «безусловное» и «общезначимое» взяты в контексте К.Ясперса. Подробнее об этом, см. Ясперс К. Философская вера // К.Ясперс. Смысл и назначение истории. – М., 1994.

рациональности и является одним из движущих факторов в понимании человеческого. Проблема в том, что каждая следующая попытка повторяет по форме общую фигуру рассуждений, а, следовательно, наследует и методологические трудности, неизменно проявляющиеся в необходимости пересмотра понимания человека и его природы.

В-третьих, даже признав относительную самостоятельность существования того или иного признака (разума в нашем примере), мы должны еще и допустить, что остальные выделяемые признаки с ним связаны, более того, связаны таким образом, что позволяют представить себя через посредство этого самого базового признака (разума). Здесь-то и вступает в силу еще одно ограничение: предмет до объяснения, и интерпретации, понимания и т.д. и предмет после указанных "процедур" – два разных предмета. Соответственно, даже если возможность представить те или иные признаки через базовый наличествует, то сама процедура "представимости" трансформирует эти признаки. Иными словами, посредством такой процедуры мы не реконструируем, не раскрываем устройство человеческого, но создаем концепт, дальнейшая работа с которым как раз устройство человеческого и закрывает.

Наконец, в-четвертых, все это базируется на понимании человека как устроенного разумным образом, в противном случае, даже первый шаг выделения тех или иных структур окажется невозможным. Иными словами, мы заранее предполагаем возможность рациональной реконструкции устройства человеческого. Причем, предполагаем, как указано выше, до и без выяснения вопроса о возможности и границах подобного рода реконструкции.

Ни в коем случае не претендуя на полноту перечня указанных установок, можно, как представляется, объединить их под общим знаменателем *фиксации*. Все перечисленные установки в качестве базового допущения имеют положение о том, что человек и, как следствие, его природа, являются тем, что может быть зафиксировано, определено, структурировано в своей активности и т.д., и т.д. В свою очередь, не сложно заметить, что такого рода положение наследуется, а не является базовым применительно к человеку. Действительно, все указанные допущения есть изначально допущения относительно сущего вообще, причем, для самого сущего они являются условиями, при которых это сущее может соответствовать требованиям мышления. Для античной рациональности, где человек понимается как "вещь среди вещей", такой перенос характеристик сущего вообще на человека, безусловно, легитимен. Однако вся последующая европейская традиция идет по пути выделения человека из круга сущего, понимания особого способа его существования, различения его природы и природы, например, вещей и т.д. При этом в попытках понимания человеческой природы перенос характеристик сущего по-прежнему осуществляется. В попытках понимания человека главной задачей является задача фиксации человека и человеческого, избегающая вплоть до двадцатого века вопроса о возможности и легитимности такого рода фиксации. Именно на этом основании, во-первых, методологически правомернее говорить о человеке, а не о тех определенностях, которые уже получены в ходе разбирательства с ним (сознании, субъекте и т.д.), а, во-вторых, все указанные допущения могут быть названы методологическими установками фиксации.

Понятно, что для того, чтобы разделить подобную установку, основания, по крайней мере, в контексте рассмотрения дистанции между предметом и тем, кто осуществляет любого рода взаимодействие с ним, отсутствуют, а присутствие их предполагает предварительную работу, которая должна также дать ответ и на то, как можно такого рода основания, если они будут найдены, реализовывать. Поэтому мы используем понятие человека как начальное, безотносительно к любого рода спецификациям и дифференциациям. Именно поэтому речь и идет о понимании человека как "вещи среди вещей", то есть, таком понимании, с которого западноевропейская мысль начинала работать с человеком. Однако "необычность" такого использования понятия *человек* требует демонстрации возможности исключить ряд моментов, которые, как установки, сопровождают всякое разбирательство. Это исключение не носит характера запрета, напротив, лишь устраняет смысл, которого изначально и не содержится в анализируемом положении дел.

Таким образом, в говорении о человеке необходима и предпринимается попытка снять те определенности, наследниками которых мы являемся, причем снять в декартовском, а не гегелевском смысле: поставить в скобки, а не свести к той или иной определенности. Поскольку же анализируемым оказывается процесс становления рациональности и рациональных практик, постольку удобнее рассматривать подобный процесс на материале

зарождения западноевропейской рациональности просто потому, что определенности, о которых идет речь, в этот период большей частью отсутствовали, либо находились в процессе генезиса, тогда как разбирательство с Новым временем, например, предполагало бы предварительную очистку способов определения человеческого. Можно, конечно, спросить и об основании, на котором, говоря о зарождении рациональных практик, мы обращаемся к тому или иному материалу, имевшему место в истории. Однако ответом на этот вопрос является сам характер рассматриваемого предмета: рациональные практики – всегда конкретные практики не только в смысле их усмотрения, что отсылает нас к порядку безусловного и ссылка на что была отброшена еще в самом начале работы, но и в смысле проявленности, укорененности в повседневной жизни, что отсылает нас к порядку общезначимого, то есть, делает любую рациональную практику *нашей* практикой, безотносительно, кстати, к тому, осознается ли нами сама практика или нет.

Методологические предпосылки редукции человеческого. Помимо предпосылок фиксации можно так же выделить и предпосылки редукции, что особенно важно в контексте рассмотрения изначальной двойственности предмета и условий его определенности, которая лежит в основе любого разбирательства с предметом. Действительно, столь же распространенным в понимании человеческого, сколь и перенос способов фиксации сущего на проявления человеческой природы, является попытка редуцировать человеческое к тому или иному объектному полю. Отсюда, например, биологизм, психологизм, физикализм[*]. К тому же типу предпосылок относятся и предпосылки обратной редукции объектных полей к субъективности. Отсюда, например, скептицизм, солипсизм. Такого рода попытки также имеют общий знаменатель, который может быть обозначен следующим образом: *изначальная двойственность предмета и условий его определенности трактуется как двойственность, имеющая гносеологический характер*, то есть, отсылающая к структуре реальности, имеющей собственный автономный носитель, на основании которого могут быть объяснены любые классы предметностей. Формально нет разницы, признается ли таким носителем природа, Бог, мировой разум и т.д. Важно, что в случае принятия этой предпосылки мы вынуждены на стороне человека говорить о субъекте и субъективности, на стороне же предмета разбирательства – об объекте и объективности соответственно. Эта необходимость коренится в необходимости прорыва к непосредственно не данному "носителю реальности", который скрывают и человек с его активностью, и предметность со способами ее данности. Таким образом, уже сам факт признания наличия некоторого источника или носителя реальности предполагает программу трансформации как предметности, так и человека, что и закрепляется в терминах субъекта и объекта. Здесь мы опять же обнаруживаем исходную двойственность предмета и условий его определенности, но обнаруживаем в качестве того, что требует собственной редукции.

В свою очередь, говоря о двойственности предмета и условий его определенности, мы, разумеется, стремимся избежать и этой предпосылки, то есть, вовсе не собираемся производить редукцию процесса познания или самого сущего к субъективности[*]. Действительно, столкновение предмета и условий его определенности может быть вызвано и простым несоответствием стратегий объяснения или понимания, с одной стороны, и способов проявленности предмета, – с другой. Но: автор вообще не употребляет здесь понятие субъекта и делает это сознательно. Для того чтобы говорить о субъективной позиции, необходимо, чтобы сама субъективность была некоторым образом проявлена, то есть, чтобы носитель субъективности был, как минимум, выделен из круга сущего. Как раз такого выделения мы и не обнаруживаем в период становления рациональности, например, при переходе от мифа к логосу. Напротив, стремление греков было направлено не на выделение, а на слияние с подлинным порядком вещей и только из его сопоставления с мнимым, кажущимся порядком заметной оказывалась деятельность души, отождествлять которую с сознанием означает воспринимать самих греков с позиций новоевропейцев, каковыми они, безусловно, не являлись! Кроме того, следует иметь ввиду, что выделение субъективности само являлось

[*] Рассмотрение и критика указанных проектов требует самостоятельного исследования, однако, очевидно, что в XX веке они рассматриваются, скорее, как реализация нелегитимных или естественных установок, а вовсе не как реальные проекты, требующие собственной реализации. Подобного понимания в данном контексте достаточно.

[*] Обвинить автора в попытках обратной редукции невозможно уже в силу того, что по его собственному признанию, и предмет, и условия его определенности "полагаются на стороне человека".

результатом довольно сложной работы по поиску достоверных оснований познания, а, следовательно, на момент самих поисков речь шла именно о человеке, а не о субъекте.

Таким образом, очевидно, что для разбирательства с истоками западноевропейской рациональности необходимо снять указанные предпосылки редукции и фиксации человеческого, что предполагает в том числе и попытку поставить заново вопрос о тех концептах (субъективности, разумности и т.д.), которые указанная рациональность получила в процессе реализации данных установок.

Выводы. Можно констатировать, что: 1) западноевропейская рациональность осуществляет перенос способов работы с сущим и внесения в него определенности на человека; 2) указанный перенос реализуется в попытках фиксации или редукции человеческого; 3) в ходе реализации попыток фиксации или редукции человеческого утрачивается основание, на котором данные попытки могли бы претендовать на легитимность; 4) нелегитимность редукции или фиксации человеческого обнаруживает необходимость возвращения к понятию "человек" и человеческому как таковому.

Summary

Mavrinsky I. The Presupposition of Reduction and Fixation of Humanity in the Forming of Eastern Rationality Context. *The article is devoted to regarding the concept "human" in context of eastern rationality forming. Through the consideration of presuppositions of reduction and fixation of the humanity to different construction of theory of knowledge, the necessity of some arrangements became an evident. The arrangements of fixation suppose the possibility to overview the humanity through some essential indications. At the same time, the presuppositions of reduction the humanity suppose the possibility to overview the humanity through the certain layers of reality. Unobviousness of arrangements of this kind and difficulties that appear due to attempts of its realization reveale the necessity of return to humanity.* *Keywords: rationality, human, subject, object, theory of knowledge.*

УДК 167

© Борис Починок
Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича

СИТУАЦІЙНІ ДОСЛІДЖЕННЯ ТА ЇХ ГУМАНІТАРНО-ЕПІСТЕМНИЙ ПОТЕНЦІАЛ

(Стаття друга)[1]

Показано, що гуманітарно-епістемний потенціал кейс стадіс є важливим чинником трансформації сучасної методології, її переходу від жорсткої нормативності до аксіологічно-прагматистської гнучкості. *Ключові слова: ідеали і норми науки, епістемний потенціал, кейс стадіс, комунікативність, міждисциплінарні дослідження, мова науки, принцип доповнюваності.*

У попередній статті на цю тему ми намагалися показати спорідненість ситуаційних досліджень і процесу пізнання світу людини на спільній основі осягнення цілісно-унікальної природи явищ історії та культури. Кейс стадіс мають солідний онтологічний фундамент, а крім того, вони зумовлені гносеологічно – використанням у них наукових засобів, які виявляють свою ефективність у пізнанні ситуацій і випадків, та практично – підвищеною складністю освоєння ситуаційних об´єктів. Отже, є підстави аналізувати кейс стадіс як вияв міждисциплінарних досліджень і становлення нової методології, яка б поєднувала когнітивні та ціннісні виміри пізнання. З-поміж іншого, це передбачає «ситуаційну» специфікацію усталених норм та ідеалів наукового пізнання, подолання їх методологічного ригоризму і надання їм гносеологічної гнучкості. Особливо нагальною ця проблема постає в дослідженні комплексних і людиновимірних об´єктів, адже саме тут найчастіше виникають зумовлені ціннісно-смисловою унікальністю людського первня

[1] Перша стаття опублікована у «Науковому віснику Чернівецького університету. Філософія. Вип. 602-603. – С. 3-7.